

КАРЫМСКАЯ КЕРАМИКА ТАЕЖНОГО ПРИОБЬЯ¹

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

Представлена характеристика четырех типов карымской керамики. Три из них (I, II, IV) продолжают линию развития местной кулайской посуды, один (III), вероятно, связан с проникновением в таежное Приобье групп охотников-рыболовов из Восточной Сибири. Установлено различие керамики северных и южных карымских территорий. Специфика карымских материалов южно-таежной зоны была обусловлена влиянием на переселенцев с севера культуры местного лесостепного населения.

Западная Сибирь, тайга, раннее средневековье, карымский этап, керамика.

Общая характеристика керамики

В.Н. Чернецов выделенную им в 1957 г. карымскую керамику с ямочным, гребенчатым и фигурно-штампованным декором с городища Ус-Толт (2-я группа) в бассейне Юконды, а также из неизвестного памятника в устье р. Большой Салым не разделял на типы [1957, с. 160–163, табл. IX, X]. В 1980-е гг. в ходе раскопок карымских поселений в Сургутском и Нижнем Приобье (городища Барсов городок II/6, 7, 9, 10, Кинтусовские II, IV и др.) археологами Уральского государственного университета был определен новый, инородный для этих территорий тип ранне-средневековой посуды, украшенной многорядными поясками желобков. До этого в западно-сибирской тайге подобная керамика в небольшом количестве была зафиксирована в составе релкинских комплексов Нарымского Приобья. Краткая характеристика этой группы карымской керамики, наряду с описанием традиционной гребенчатой и фигурно-штампованной, была дана свердловскими археологами в новой периодизации культур Сургутского и Нижнего Приобья [Федорова и др., 1991, с. 131–133, рис. 2, 3–10; Морозов и др., 1995, с. 10]. В 2006 г. А.П. Зыков разделил карымскую керамику по орнаменту на три типа (I–III) [2006, с. 114]. Практически одновременно с ним С.Ю. Каменский и Е.А. Жирных при анализе находок с городища Евра 25 в бассейне р. Конды [2006, с. 171, ил. 1, 2, 6, 8–15], а также Т.А. Говейлер [2007] выделили четыре группы карымской посуды. При этом первые три группы совпадали с соответствующими типами А.П. Зыкова, а четвертая как самостоятельная была охарактеризована впервые (у А.П. Зыкова она была включена в I тип). Поддерживая последнюю типологию [Чемякин, 2008б, с. 221, 223], мы предлагаем распространить ее на весь массив карымской посуды.

Данная классификация построена на специфике декора сосудов, отчасти — на морфологии и технике их изготовления. По орнаменту карымская керамика подразделяется на четыре типа: гребенчатую (I), фигурно-штампованную (II), желобчато-валиковую (III), обедненную ямочно-насечковую и ямочно-жемчужную (IV) (рис. 1–4). К последнему типу условно отнесены также единичные неорнаментированные емкости (рис. 2, 21)². Для большинства сосудов всех типов характерен поясок одинарных глубоких конических, реже подпрямоугольных в профиле ямок (обычно круглых) на шейке под венчиком или по ее основанию. Иногда здесь встречаются ямки, расположенные зигзагом. В целом же пояски из ямок с эпохи неолита являются характерной чертой керамики таежного Приобья. Изредка на шейках карымских сосудов отмечаются ямки в комбинации с жемчужинами или одни жемчужины. Такой декор появился еще на калинкинской и, позже, кулайской посуде. На исследованных карымских поселениях доминирует керамика первых двух типов. Сосуды третьего типа составляют от нескольких единиц до трети каждой коллекции, емкости четвертого типа — самые малочисленные.

Технология производства и форма сосудов первых двух и четвертого типов (рис. 1, 2) сходна. Для изготовления керамики использовалась хорошо промешанная и отмученная глина с примесью шамота и органики, реже — дресвы (мелкодробленый гранит, кварц, сланец) или песка с зернами кварца. Формовка сосудов происходила способом ленточного налепа. Емкости горшковидные, круглодонные, с небольшой и средней высоты дуговидной или прямой шейкой, слегка отогнутой наружу, у отдельных экземпляров — с дуговидной слабо вогнутой. Единично

¹ Продолжение статей: [Борзунов, Чемякин, 2013а, б; 2014].

² При подготовке иллюстраций керамики, помимо опубликованных рисунков [Федорова и др., 1991, рис. 2, 3–10; Чемякин, 2008а, рис. 94–98], использованы архивные материалы Ю.В. Семакова [А–2003].

Карымская керамика таежного Приобья

встречаются котловидные сосуды и закрытые чаши: без шейки, с наклоненными внутрь верхними частями стенок, выпуклым туловом, округлым или приостренным дном. Венчики обычно плоские, скошенные внутрь, часто имеют профиль желобка и карнизик с внутренней стороны. Реже формовались простые уплощенные и округлые венчики. Плечики и стенки горшков выпуклые, придонные части вытянутые зауженные или скругленные. Обломков плоских дниц у емкостей данных типов пока не обнаружено. То же можно сказать и относительно поддонов, зафиксированных у части кулайской, а также более ранней калинкинской и белоярской посуды, имитирующей скифо-сарматские бронзовые котлы.

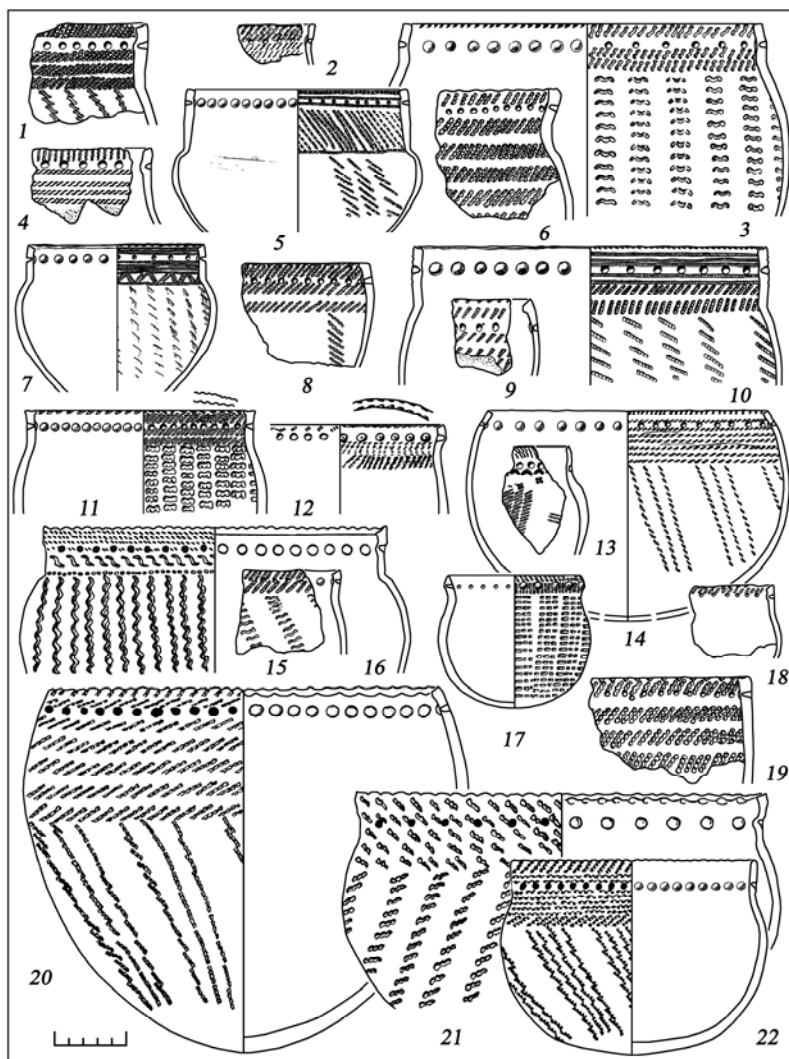

Рис. 1. Карымская керамика с гребенчатой орнаментацией (тип I) Сургутского Приобья: 1, 3–5, 7, 10, 15, 16, 20–22 — городище Барсов городок II/6; 2, 9, 18 — городище Барсов городок II/9; 13 — городище Барсов городок II/7; 14 — городище Барсов городок II/10; 6, 8, 11, 12, 17, 19 — селище Сартым-урий 17; 1–11, 13–15, 17–19 — по Ю.В. Семакову; 16, 20–22 — по Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову, Л.М. Тереховой.

Керамика первых двух типов (I и II) более нарядная и изящная. Горшки тонкостенные, с тщательно заглаженной внешней и внутренней поверхностью, со сложным декором, выполненным в основном тонкими средней величины и миниатюрными чеканами. На сосудах I типа орнамент нанесен гребенкой, преимущественно с мелкими зубцами, или мелкоструйчатым штампом, известными в регионе еще с эпохи бронзы. В ряде случаев мелкоструйчатый декор имитировался косо поставленной мелкой гребенкой. На керамике II типа узоры выполнены фигурными чеканами, в том числе в виде змейки и утки, однако ее «опознавательным знаком» являются ромби-

ческие штампы различных модификаций — с четырьмя мелкими жемчужинами внутри («глазчатый»), двойной рамчатой уточкой, а также рамчатая одинарная уточка, рамчатый S-видный и др. На ряде сосудов встречаются оттиски тонких меандридных двух- и трехчленных штампов, традиционно связываемых с ярсалинской посудой. (Соотношение ярсалинского и карымского типов посуды (и памятников) — отдельный сюжет. Заметим только, что нам известно лишь одно частично раскопанное поселение с чистым комплексом ярсалинской керамики [Гордиенко, 2013].) Изредка встречаются отпечатки фигурного треугольного штампа. Орнамент покрывал верхнюю половину или две трети сосуда. Особенно плотный он на шейке и плечиках. На днищах и в придонной части декор отсутствовал. Верхний срез сосуда (венчик) обычно украшался косыми насечками по всей ширине либо по краю — с внешней и/или внутренней стороны. Кроме пояса из ямок, иногда в сочетании с жемчужинами, выступавшего своеобразным разделителем, шейка декорировалась горизонтальными концентрическими поясами из наклонных или горизонтальных оттисков гребенки, змейки, уточки и рамчатых штампов. Последние обычно располагались в шахматном порядке или образовывали треугольные фигуры. Особую нарядность керамике I и II типов придают длинные «свисающие» вертикальные и наклонные столбики-ленты, составленные из оттисков гребенки, змейки и мелкоструйчатого штампа, завершающие орнаментальную композицию.

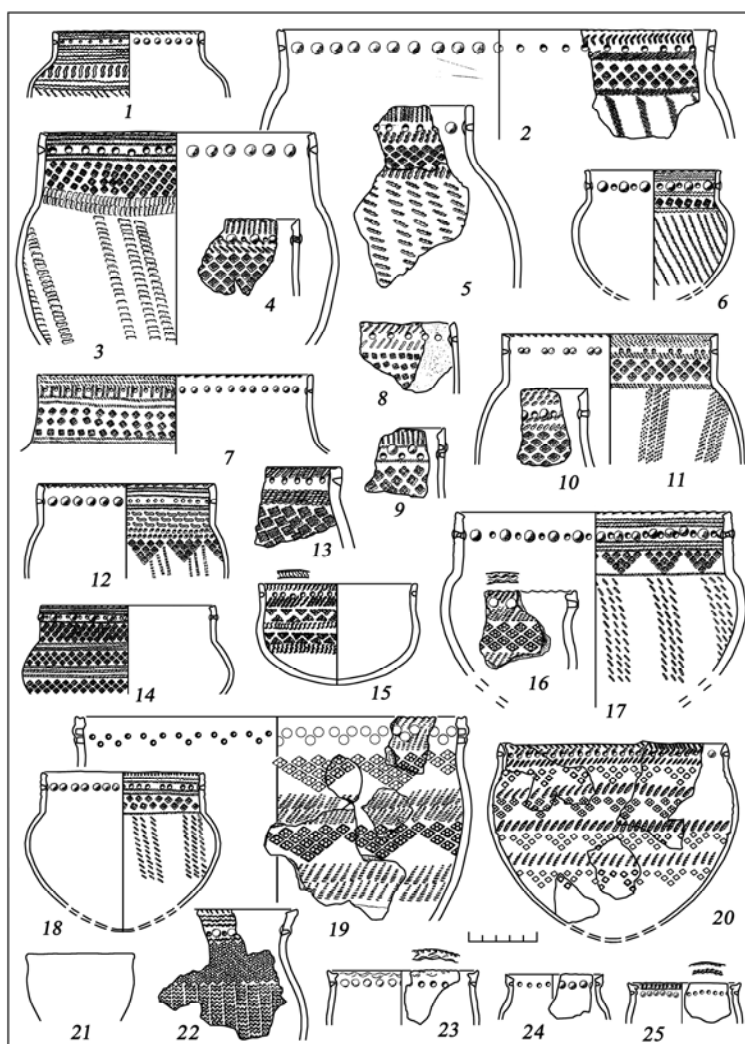

Рис. 2. Карымская керамика Сургутского Приобья:

1–20, 22 — с фигурно-штампованной орнаментацией (тип II); 21, 23–25 — с обедненным ямочно-жемчужным декором и без орнамента (тип IV): 1–3, 5, 6, 14, 17, 18 — городище Барсов городок II/6; 4, 8–10 — городище Барсов городок II/9; 7, 11, 12 — городище Барсов городок II/7; 13, 15, 21 — селище Сартым-урий 17; 16, 19, 20, 22–25 — городище Сартым-урий 18; 1, 6 — по Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову, Л.М. Тереховой; 14, 17, 18 — по Ю.В. Семакову.

Карымская керамика таежного Приобья

Керамика III типа в основном (и единичные сосуды IV типа) массивная, толстостенная и грубая (рис. 3). В глиняное тесто при ее производстве добавляли шамот, песок, дресву и органику. Диаметры емкостей по устью достигали 35 см. Есть и небольшие горшки, но в целом создается впечатление, что сосуды данных типов были больше других. Они представляли собой горшки и котлы со средней высоты и высокой шейкой, слегка отогнутой наружу, слабо профилированными плечиками и туловом, вытянутой и зауженной придонной частью. Посуда круглодонная, но на селище Сартым-урий 16 был найден сосуд III типа, имевший неорнаментированный поддон [Фефилова, Чемякин, 2009, с. 240, ил. 9, 1]. Среди посуды IV типа (рис. 2, 21, 23–25) известны как обычные горшки и котлы, так и небольшие тонкостенные сосудики «закрытой» формы — с наклоненными внутрь емкости стенками, выпуклым туловом и плоским, слегка скошенным внутрь венчиком с закраиной либо едва намеченной и чуть отогнутой наружу шейкой. Орнаменты на посуде III и IV типов выполнены толстыми заостренными палочками, а также шпателями с плоскими зубцами шириной 4–5 мм или узкими лопатками с коротким (5–6 мм) и длинным (5–6 см) гладким рабочим краем.

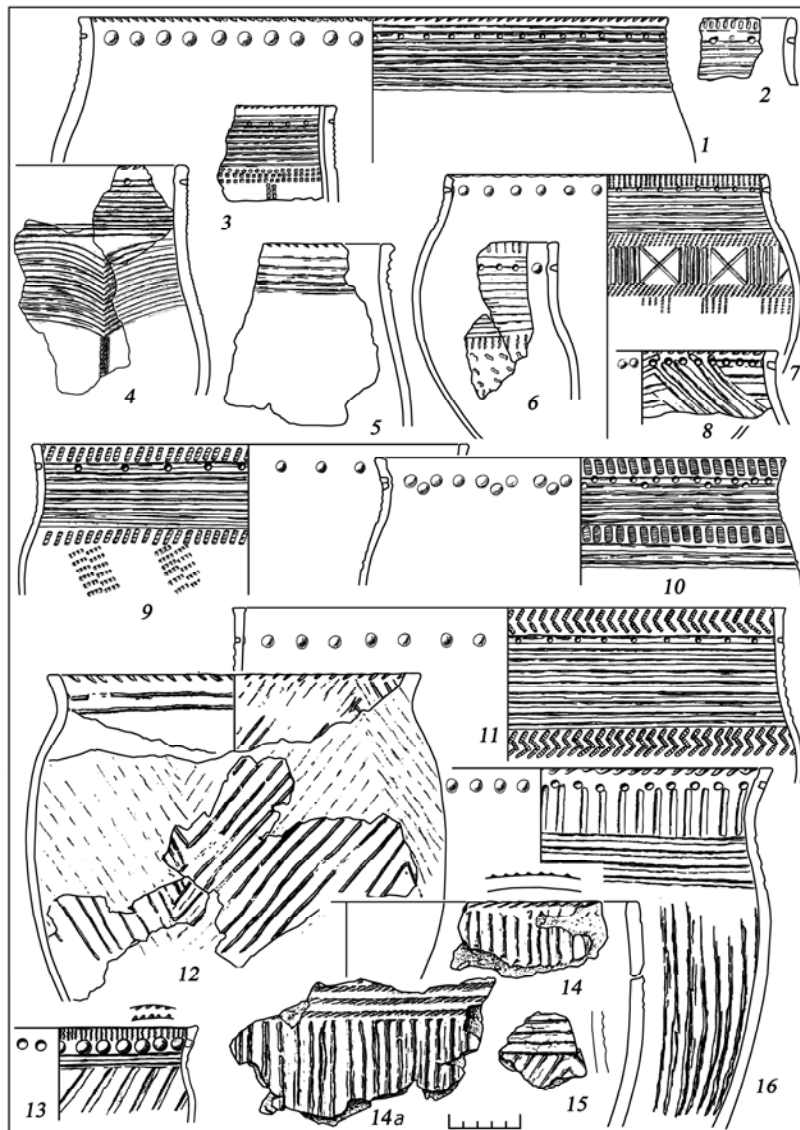

Рис. 3. Карымская керамика Сургутского Приобья с желобчато-валиковой орнаментацией (тип III): 1, 3–5, 7 — городище Барсов городок II/6; 2, 6 — городище Барсов городок II/9; 10 — городище Барсов городок II/7; 9, 11 — городище Барсов городок II/10; 12, 14–16 — городище Сартым-урий 18; 8, 13 — селище Сартым-урий 17: 1–6, 8–11, 13 — по Ю.В. Семакову; 7 — по Н.В. Федоровой, А.П. Зыкову, В.М. Морозову, Л.М. Тереховой.

Венчики у сосудов III типа — средней ширины (около 1 см), уплощенные горизонтальные со скругленными краями или такие же и более узкие, слегка наклоненные внутрь емкости. Края венчиков изнутри и/или снаружи обычно украшены косыми насечками. На шейках под венчиками фиксируется поясok ямок: круглых, единично — иных форм. Внешняя поверхность большинства сосудов декорирована узкими желобками прямоугольного, подтрапециевидного и дуговидного профиля, между которыми фиксируются подобиия плоских валиков. Такой орнамент получался в результате выдавливания неглубоких желобков гладким или зубчатым шпателем на влажной глине сосуда перед его обжигом. На части емкостей желобки выдавливались пальцами, и в этом случае между ними формовались узкие валики треугольного сечения. Встречаются и налепные валики такого же сечения. Орнаментальные композиции обычно простейшие — чередующиеся многорядные горизонтальные, вертикальные, наклонные и выстроенные зигзагом (горизонтальной елочкой) валики-желобки. На отдельных черепках прослеживаются многорядные волнистые линии — остатки арочного орнамента, а также выполненные длинным гладким шпателем крестовидные фигуры. Спорадически в желобчато-валиковый декор включались горизонтальные, вертикальные и наклонные оттиски гребенки либо мелкие квадратные вдавления, выстроенные в шахматном порядке.

Венчики у сосудов IV типа разнообразны: широкие плоские с резким наклоном внутрь емкости и внутренним карнизиком; средней ширины уплощенные со скругленными краями, небольшим наклоном внутрь и карнизиком; узкие уплощенные горизонтальные без наплывов. Обычный декор этой группы керамики — наклонные насечки на краях венчиков и поясok круглых ямок на шейках. Единичные емкости, в основном малые, вообще лишены орнамента.

Территориальное распределение типов карымской керамики

В средней и северной тайге Приобья были распространены все типы карымской посуды (рис. 1–3). В южно-таежной полосе керамика IV типа пока не выделена. Здесь доминируют сосуды II типа, емкости с простым ямочно-гребенчатым орнаментом встречаются значительно реже (рис. 4), а горшки и котлы с валиками и желобками единичны. Керамика обычно тонкостенная или средней толщины, хорошо обожженная, изготовлена из глины с примесью песка и шамота. Внешняя поверхность сосудов тщательно заглажена, но на их внутренней стороне иногда прослеживаются следы расчесов «гребенкой» или щепой. По форме сосуды I и II типов, обнаруженные на южной периферии карымского ареала, близки керамике северных приобских территорий. Это преимущественно горшки средних и высоких пропорций, с вертикальной или наклоненной внутрь емкости невысокой шейкой, округлым или округло-приостренным дном. Две небольшие группы образуют приземистые, близкие чашевидным круглодонные горшки, а также чашевидные формы (рис. 4, 2, 5, 8). Последняя группа — единичные высокие кринковидные емкости с зауженными прямыми или дуговидными горловинами, резким переходом к раздутому тулову и плоским либо округлым дном. Венчики у них, как правило, плоские, скошенные внутрь, с характерным карнизиком изнутри (рис. 4, 9, 11).

Проблема происхождения карымской керамики

Посуда I, II и IV типов по многим параметрам сходна с позднекулайской сургутской, саровской и нижнеобской ярсалинской. Это указывает на их родство, а также формирование ранне-средневекового карымского этноса на местной кулайской основе. Кроме того, преемственность карымской посуды двух первых типов от позднекулайской подтверждает керамика переходного ярсалинско-карымского облика, обнаруженная в трех жилищах позднесаргатского поселения Ипкуль XV в Нижнем Притоболье, предварительно датированного второй четвертью — серединой I тыс. н.э. [Корякова и др., 1988, с. 120–125, рис. 1, 2; Зыков, 2006, с. 113–114]. Некоторые карымские и кулайские (в первую очередь ярсалинские и поздние сургутские) сосуды почти идентичны. В ряде случаев это даже усложняет проблему культурной диагностики некоторых памятников. Керамика III типа, наоборот, не имеет прообразов в культурах бронзового и раннего железного веков таежного Приобья, в том числе Сургутского и Томско-Нарымского [Чиндина, 1977, с. 130; Чиндина и др., 1990, с. 44; Федорова и др., 1991, с. 131, 133, 144, рис. 2А, 5; Морозов и др., 1995, с. 10]. Относительно ее происхождения высказываются разные суждения.

Автором первой, миграционной, гипотезы являются томские археологи. В конце 1940-х гг. при публикации посуды городища Басандайка К.Э. Гриневиц отметил инородность валикового орнамента в Томском Приобье, сходство среднеобской и восточно-сибирской валиковой керамики, а также высказал гипотезу о переселении части носителей этого декора из Восточной Си-

Карымская керамика таежного Приобья

бири в Западную [1974, с. 145, 147]. В конце 1970-х гг. Л.А. Чиндина, опираясь на эти заключения, а также результаты анализа материалов выделенной ей релкинской культуры, аргументировала данное предположение [1977, с. 130–131]. К их точке зрения присоединились О.Б. Беликова и Л.М. Плетнева, утверждавшие, что «...какие-то группы населения из Восточной Сибири в начале эпохи средневековья проникали на Обь, вступая во взаимодействие с аборигенами Томско-Нарымского Приобья» [1983, с. 118–123]. Учитывая это, современные сторонники миграционной теории считают, что истоки валиковой керамики Нарымского Приобья (III тип релкинской посуды VII–IX вв.), валиково-желобчатой Томского Приобья (III тип керамики памятников V–VIII вв.), а также карымской керамики III типа Сургутского и Нижнего Приобья, Конды, низовий Иртыша и лесного Обь-Иртышья следует искать в Восточной Сибири, в том числе в Якутии и Забайкалье. На последних территориях посуда с наlepными валиками бытует с неолита до позднего средневековья, а «обмазочные» валики и валиково-желобчатые декоры встречаются на сосудах первой половины I тыс. н.э. (поселения Казачка на р. Кан, Айканка на р. Енисей, стоянка Тумул и др.) [Мандрыка, 1997, с. 209–216].

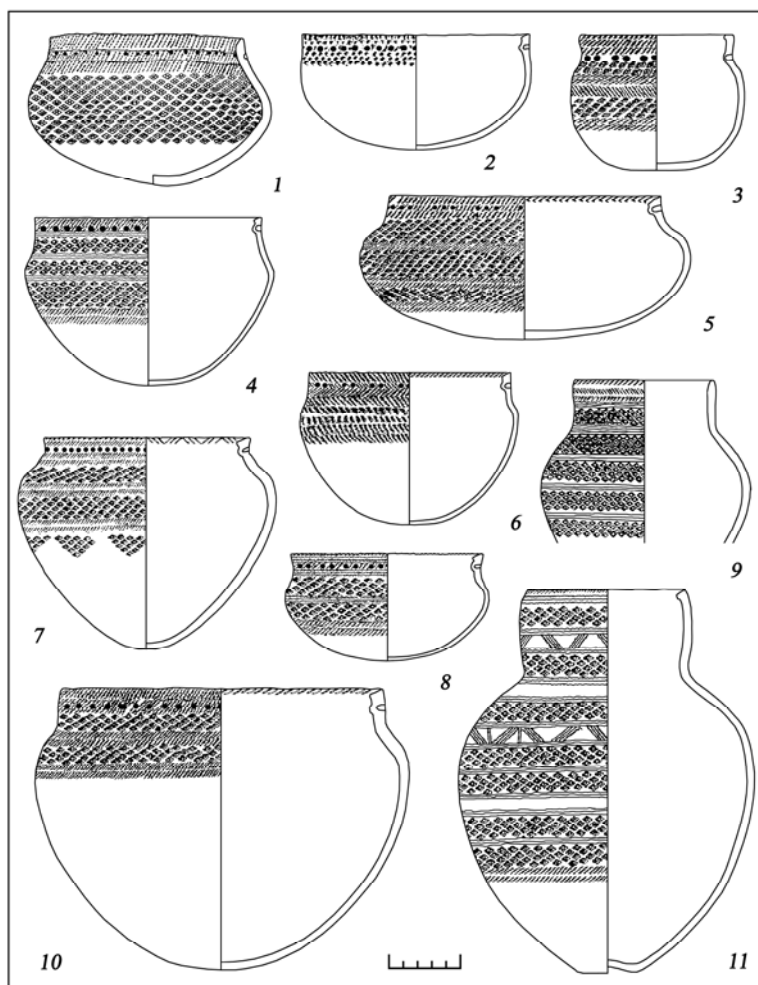

Рис. 4. Карымская керамика могильников южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья с фигурно-штампованной и ямочно-гребенчатой орнаментацией:

1 — Козловский могильник; 2–11 — Усть-Тара VII:

1 — по Н.П. Матвеевой; 2–11 — по И.Е. Скандакову, Е.М. Данченко.

Между тем время этой миграции также вызывает споры. Л.А. Чиндина, отмечая важную роль в сложении релкинской культуры V–IX вв. пришлого юго-восточного населения, принесшего с собой специфическую валиковую керамику и принцип сооружения в жилищах канов (обогреваемых нар-лежанок), не исключает, что переселение с востока могло произойти в период

передвижения на запад северных хунну во II–III вв. Вместе с тем релкинские комплексы с валиковой керамикой, считает она, не выходят за пределы VII–IX вв. Поэтому делает заключение, что, «скорее всего, это движение было вызвано завоеваниями тюрок периода каганатов, когда какая-то часть населения вынуждена была уйти на запад и осесть в Среднем Приобье» [Чиндина и др., 1990, с. 45].

Возможно, так и было. Но это была поздняя миграция, в результате которой в Томско-Нарымском Приобье появились каны, курганы, кенотафы, тайники-скопления, захоронения лошадей, миниатюрные изделия, южные орнаменты в изобразительном искусстве, новая керамика и другие элементы тюркской и «тюркизированной» культуры. Что же касается первых волн переселений носителей валикового декора из Восточной Сибири, то они наблюдались явно раньше: в конце кулайской «эпохи» и начале средневековья, в том числе во время Великого переселения народов. Этот вариант не исключала и Л.А. Чиндина [1977, с. 131]. О ранней миграции, на наш взгляд, свидетельствует желобчато-валиковая посуда, найденная в ареале таштыкской и близких ей культур Хакасско-Минусинской котловины и Тувы II в. до н.э. — V в. н.э., а также часть керамики карымских поселений IV — начала VI в. таежного Приобья.

Не исключая возможность переселений носителей валиковой посуды из Восточной Сибири, екатеринбургский исследователь К.Г. Карачаров высказал иное предположение: «Отдельные сосуды (с многорядными тонкими желобками и наклепными валиками-косичками. — *Азм.*) могли попадать из Восточной Сибири на Среднюю и Нижнюю Обь и без каких-либо крупных миграций населения, например, в результате браков, товарного обмена и иных культурных контактов» [Чемякин, Карачаров, 1999, с. 43]. При этом он отметил сходство сургутской карымской желобчато-валиковой посуды с III типом керамики релкинской культуры, выделенной Л.А. Чиндиной [1991, с. 48–49]. Кроме того, желобчатая и валиковая керамика, близкая карымской, в небольшом количестве была найдена К.Г. Карачаровым на селищах IV–VI вв. бассейна р. Аган (Нёх-Урий 1; Вор-сап 2, 4, Сардыковы, Варьёган 15, Усть-Ваньёган 2)³, где, по его утверждению, отсутствует карымская посуда с мелкоребенчатым и сложным фигурно-штампо-ваннным орнаментом. На основании этого К.Г. Карачаров выделил аганские памятники раннего средневековья из карымского ареала и включил в состав некоей иной, четко не обозначенной им историко-культурной области Среднеобского района [Перевалова, Карачаров, 2006, с. 72]. Опираясь на его выводы, можно предположить, что восточная граница расселения карымских общин проходила между Тромьёганом и его левым притоком — р. Аган. Вместе с тем в бассейне Агана раскопаны лишь единичные объекты «аганского типа», и только новые исследования могут подтвердить или опровергнуть правомерность его выделения. Тем более что комплексы, сопоставимые с карымскими, известны восточнее, на территории релкинской культуры (поселение Круглое озеро II и др.) [Чиндина, Балакин, 1976, табл. V].

Оригинальную версию происхождения западно-сибирского желобчатого декора, укладывающуюся в рамки теории культурного заимствования, предложили два других исследователя из Екатеринбурга — А.П. Зыков и Н.В. Федорова. По их представлениям, такая орнаментика, присутствующая на части глиняной посуды таежного Приобья I тыс. н.э., была заимствована с юга и являлась репликой узора гуннских бронзовых котлов с рельефными валиками. Они считали, что такие орнаменты должна была бы иметь и пока еще не известная гуннская керамика. Первые, самые ранние, образцы нового декора были зафиксированы в позднекулайских керамических комплексах лесостепной Барабы. В IV–V вв. н.э. желобчатая керамика быстро распространилась «на огромные расстояния» в таежном Обь-Иртыше — от слияния Тобола и Иртыша на юге (городище Потчеваш) до дельты Оби на севере (поселение Солемала I, или Салемал 1), причем без миграции какого-либо этноса. В Томском Приобье такая посуда появилась в начале IV — первой половине V в., а в Нарымском Приобье — в VII–IX вв. Заимствование и распространение нового орнамента, как полагали авторы, происходило благодаря тесным торгово-обменным связям, установившимся между Средней Азией и населением таежного Приобья при посредничестве азиатских гуннов, вторгшихся в Среднюю Азию, Казахстан и на юг Западной Сибири. В кулайское же время связи западно-сибирской тайги с внешним миром существовали, но в обход зауральской лесостепи: для западных территорий — через Прикамье, для восточных — через Средний Енисей. Племена саргатской культурно-исторической общности (далее — КИО),

³ К этим же памятникам, по-видимому, относятся аганские селища Мохтикьёган 22 [Мызников, А–2007] и Егур-Ях 4 [Яковлев, 2006].

древние предки венгров, населявшие почти 500 лет западно-сибирскую лесостепь, не оставили никаких следов в культуре таежного населения Западной Сибири, а их влияние ограничивалось только пограничной южно-таежной зоной [Зыков, Федорова, 2001, с. 26–30, рис. 3–5].

По нашему убеждению, многие из последних высказываний слабо аргументированы. Об этом свидетельствует и тот факт, что в последней работе А.П. Зыкова, посвященной средневековым древностям Югры, версия заимствования приобским населением валикового декора от гуннов вообще не рассматривается. Наоборот, в ней приводятся аргументы томских исследователей в пользу миграционной теории генезиса желобчато-валикового декора на глиняной посуде таежного Приобья. Более того, археологом отмечается обязательное присутствие керамики III типа на карымских поселениях «вплоть до бассейна Конды на западе», а также ее быстрая трансформация — замена налпных валиков желобками, появление новых узоров из желобчатых арок и крестовидных фигур, а также объединение желобчатого орнамента с типичными местными гребенчатыми элементами декора. Все это, по его мнению, указывает на довольно быструю инкорпорацию мигрантов из Восточной Сибири в местную среду [Зыков, 2006, с. 114]. Кстати, в свое время о полной ассимиляции в Нижнем Приобье пришлого населения с желобчатой керамикой местным (с гребенчатой и фигурно-штампованной посудой) писал В.М. Морозов. Свидетельством этого, считал он, является «однородность карымской керамики IV–V веков н.э.» [Морозов и др., 1995, с. 10].

Что касается валикового и желобчатого орнамента на части западно-сибирской посуды начала средневековья, то он, безусловно, напоминает валиковый узор на бронзовых котлах хуннов (сюнну), гуннов и других кочевых народов евразийских степей конца I тыс. до н.э. — начала I тыс. н.э. [Боковенко, 1981; Боковенко, Засецкая, 1993; Зыков, Федорова, 2001, рис. 5; Мартин, 2004, с. 104–105, табл. 25]. Хотя европейские котлы «гуннского типа» V в. имеют несколько иную форму и декор [Амброз, 1981, с. 17–18, рис. 4а, 1–3; 4б]. Бронзовые котлы и их обломки с рельефными валиками найдены в ряде мест таежного Приобья: у городища Потчеваш в Тюрковском предместье под г. Тобольском, на горе Кулайка, в Холмогорском «кладе», могильнике Агрнъган 1. Имеются они и в составе Томской «скифской коллекции» [Чернецов, Мошинская, 1954, с. 175; Мошинская, 1953, с. 202, рис. 5; Чиндина, 1991, с. 36, рис. 12; Ожередов, Яковлев, 1993, с. 104, № 1139; Зыков, Федорова, 2001, с. 114–115, № 45; Перевалова, Карачаров, 2006, с. 70–71]. Эти изделия были произведены, по-видимому, во II в. до н.э. — I в. н.э. в ремесленных центрах Забайкалья и Тувы [Кызласов, 1979, с. 105; Зыков, Федорова, 2001, с. 115]. Уменьшенная копия котла с имитацией шнурового орнамента на тулове, явно местная отливка, найдена на р. Ляпин в Нижнем Приобье [Чернецов, 1953, с. 149, табл. IX, 7]. В Западной Сибири все эти предметы появились, по-видимому, еще в позднекулайское время, в общем потоке среднеазиатского, китайского, греческого, египетского, пьяноборского и иного импорта, а следовательно, не имеют никакого отношения к карымским древностям.

На наш взгляд, появление в таежном Приобье большого количества глиняной бытовой посуды с желобчато-валиковым декором нельзя объяснить только культурными и экономическими связями. Керамические горшки, неудобные для транспортировки и легко производимые в любом месте, где есть глина, это не бронзовые котлы — дорогие в тайге, престижные и сакральные вещи, и даже не их обломки, которые можно легко пустить на переплавку. Кроме того, трудно объяснить заимствование населением Западной Сибири в массовом порядке и на разных территориях абсолютно чуждого для него декора, отражающего иную, чем у него, религиозно-мифологическую картину мира, тем более без проникновения на север носителей этого орнамента. А главное — восприятия такой орнаментики от орд северных хунну (сюнну) и их потомков — гуннов — воинственных кочевников-изгоев, которые были выдворены с насиженных мест и вторглись в азиатские степи, частично — в западно-сибирскую лесостепь. Последнее нарушило систему торговых связей, четко функционировавшую в конце I тыс. до н.э. — начале I тыс. н.э. между таежным Приобьем и Средней Азией при посредничестве степного сакского и скифо-сарматского, лесостепного западно-сибирского и лесного приуральского населения. На громадных пространствах между Обью и Волгой, в отличие от Забайкалья, Южной Сибири, Тувы, с одной стороны, и юга Восточной Европы, с другой, гунны не оставили ничего *археологически осязаемого* — ни городищ, ни селищ, ни керамики, ни вещей. Четыре случайно обнаруженных погребения III–V вв. н.э. в западно-сибирской лесостепи, одно — в южно-уральской степи [Генинг, 1968, с. 140; Генинг, Стефанов, 1988, с. 8–9, рис. 2; Молодин, Чикишева, 1990; Егоров, 1993; Уманский, 1978; Зыков, Федорова, 2001, с. 23; Зыков, 2002; Боталов, Полушкин, 1996, с. 184,

рис. 8], несколько обломков котлов «гуннского типа» в приобской тайге и отдельных импортных украшений в Барабе, напоминающих хуннские забайкальские [Полосьмак, 1985, с. 10–17], а также память о переселениях северных гуннов на запад и их ставках в Юго-Западной Сибири, закреплённая в письменных источниках окружавших их народов,— вот все, что *реально* осталось от их пребывания на южной кромке Западной Сибири. По-видимому, данная территория мало интересовала гуннов и была для них неким «проходным коридором» на пути в богатую Европу.

Иное дело — граничившие на севере с гуннами в Восточной Сибири лесостепные и лесные общества. Скорее всего, переселения небольших групп охотников-рыболовов из южных областей Восточной Сибири в западно-сибирскую тайгу, где обитали потомки многочисленных племен кулайской КИО, все же имели место. Из Забайкалья носители валикового орнамента могли прийти в конце раннего железного века — начале средневековья в общем потоке с гуннами. Не менее вероятно, что они могли бежать от кочевников, продвигаясь чуть севернее, по лесным территориям. Их пути пролегли по Енисею и его притокам, Хакасско-Минусинской котловине, Верхнему Приобью и, возможно, Барабе и Иртышу. В одном из миграционных потоков резной «гуннский» декор попал на глиняные сосуды населения Тувы и предгорий Алтая. В Западной Сибири пришельцы шли практически по тем же водным дорогам, по которым в предыдущий период мигрировали в верховья Оби и Обь-Енисейское междуречье — на Вах, Кеть, Чулым и Бию, а также в Среднее Прииртышье — кулайские коллективы из Томско-Нарымского и Новосибирского Приобья. По тем же водным артериям была выстроена система юго-восточных торгово-обменных коммуникаций, в том числе путей поставки цветного металла и предметов из него в западно-сибирскую тайгу. Не исключено, что эта локальная миграция приобских рыболовов-охотников позднекулайского периода положила начало более тесным контактам населения обоих регионов. Обратным, более поздним переселением групп из Восточной Сибири на запад и северо-запад было обусловлено появление посуды с желобчато-валиковым декором в Томско-Нарымском Приобье и Среднем Прииртышье, а также формирование карымской керамики III типа в Сургутском и Нижнем Приобье. Это движение, разделявшееся на несколько потоков, являлось частью общего процесса континентальных миграций — Великого переселения народов II–IV вв. н.э., а также локальных подвижек и переселений следующего за ним «смутного» периода в истории Центральной Азии (IV — середина VI вв.). Последний был отмечен постоянными грабительскими набегами жужаней на своих соседей и войнами контролировавших Великий шелковый путь эфталитов с окружающими государствами и племенами.

Мы также можем предположить, что валиковый декор для украшения глиняной посуды мог быть заимствован от гуннов первоначально не западно-сибирским населением, а еще лесными и лесостепными племенами Забайкалья и Енисея. Впрочем, более вероятен обратный вариант: перенесения видоизмененного валикового орнамента, существовавшего здесь в неолите, эпоху бронзы и раннем железном веке, с глиняных горшков юга Восточной Сибири на гуннские бронзовые котлы. В любом случае именно из Восточной Сибири новый желобчато-валиковый декор был занесен в Западную Сибирь, в том числе в ходе миграционных потоков, направленных по границе леса и лесостепи параллельно путям основных миграций степных кочевников. Впоследствии *теоретически* только единичные глиняные сосуды с таким орнаментом могли попасть на удаленные территории низовьев Оби в ходе обменных операций, культурных и брачных связей. Впрочем, последнее также предполагает переселение на Тюменский Север отдельных носителей чуждой орнаментальной традиции.

Подводя итог, мы полагаем, что карымские сосуды I, II и IV типов продолжали линию развития позднекулайской посуды. В то время как керамика III карымского типа инородна и связана своим происхождением, скорее всего, с переселившимися на запад осколками обществ юга Восточной Сибири, смешавшимися с аборигенами таежного Приобья.

Отдельный сюжет исследования — находки в курганных могильниках южной периферии карымского ареала (Усть-Тара VII, Красноярка IV) высоких кринковидных сосудов с зауженной горловиной и фигурно-штампованным декором. В их культурной оценке мы солидарны с исследователями, которые считают данную керамику нетипичной для северной карымской и находят аналогии ей в кушнаренковской посуде Северной Башкирии. Более того, такие сосуды вызывают определенные саргатские ассоциации [Скандаков, Данченко, 1999, с. 168], а те, в свою очередь, среднеазиатские. Появление таких форм с карымским орнаментом в Среднем Прииртышье является следствием смешения лесостепных (саргатских) и таежных (карымских) гончар-

Карымская керамика таежного Приобья

ных традиций в условиях массовых миграций, происходивших в раннем железном веке и начале средневековья. На Южный Урал кринковидные сосуды попали, по-видимому, с саргатскими мигрантами — предками средневековых угров Урало-Поволжья и венгров Восточной Европы.

Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ, НИР № 1913, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники⁴

Мызников С.А. Отчет о научно-исследовательской работе «Охранные археологические раскопки селища Мохтикьёган 22 в Нижневартовском районе Ханты-Мансийского АО в 2007 году». Нефтеюганск, 2007 // Архив НПО «Северная археология-1».

Семаков Ю.В. Карымский этап обь-иртышской КИО в Сургутском Приобье: Материальная культура, генезис и исторические судьбы: Дипл. работа. Екатеринбург, 2003 // Архив УчМАЛ УрГПУ.

Литература

Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V — первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 10–23. (Археология СССР с древнейших времен до до средневековья).

Беликова О.Б., Плетнева Л.М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. н.э. Томск: ТГУ, 1983. С. 118–123.

Боковенко Н.А. Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западно-сибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука, 1981. С. 42–52.

Боковенко Н.А., Засецкая И.П. Происхождение котлов «гуннского типа» Восточной Европы в свете проблемы хунно-гуннских связей // Петерб. археол. вестн. СПб.: Фарн, 1993. № 3. С. 73–88.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские памятники таежного Приобья: История изучения, хронология и территория распространения // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013а. № 1 (20). С. 34–46.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские поселения таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 2 (21). С. 45–55.

Борзунов В.А., Чемякин Ю.П. Карымские могильники таежного Приобья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2014. № 2 (25). С. 64–70.

Боталов С.Г., Полушкин Н.А. Гунно-сарматские памятники Южного Зауралья III–V веков // Новое в археологии Южного Урала. Челябинск: Рифей, 1996. С. 178–193.

Генинг В.Ф. Работы в Среднем Прииртышье // АО 1967. М.: Наука, 1968. С. 139–140.

Генинг В.Ф., Стефанов В.И. Работы Уральской археологической экспедиции в Среднем Прииртышье // Источники и историография. Археология и история. Омск: ОмГУ, 1988. С. 4–18.

Говейлер Т.А. О соотношении памятников карымского и туманского типов // Материалы XXXIX Урало-Поволж. археол. студ. конф. Пермь: ПГПУ, 2007. С. 187–190.

Гордиенко А.В. Нижнее Притоболье в первой половине I тыс. до н.э. (по материалам раскопок поселения Айгинское VIII) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 47–57.

Гриневич К.Э. Опыт классификации и датировка басандайской керамики // Басандайка. Томск: ТГУ, 1974. С. 145, 147.

Егоров Я.В. Новое исследование погребения воина эпохи Великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул: АлтГУ, 1993. С. 77–78.

Зыков А.П. Гуннские погребения у села Черноозерье и проблема этнокультурной ситуации в лесостепном Прииртышье в эпоху Великого переселения народов // Тюркские народы: Материалы V Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: ОмГПУ, 2002. С. 47–50.

Зыков А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Чароид, 2006. С. 109–124.

Зыков А.П., Федорова Н.В. Холмогорский клад: Коллекция древностей III–IV веков из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург: Сократ, 2001. 176 с.

Каменский С.Ю., Жирных Е.А. Раскопки городища Евра 25 и разведка в Кондинском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 168–178.

Корякова Л.Н., Морозов В.М., Суханова Т.Ю. Поселение Ипкуль XV — памятник переходного периода от раннего железного века к средневековью в Нижнем Притоболье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрГУ, 1988. С. 117–129.

⁴ Ссылки на использованные архивные источники приводятся с буквой «А» и тире (А–) после фамилии автора перед годом написания работы.

В.А. Борзунов, Ю.П. Чемякин

- Кызласов Л.Р.* Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). М.: МГУ, 1979. 208 с.
- Мандрыка П.В.* Материалы гунно-сарматского времени поселения Айканка, или К вопросу о появлении керамики с обмазочными валиками в красноярской лесостепи // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУ, 1997. С. 209–216.
- Мартин Ф.Р.* Сибирика. Некоторые сведения о первобытной истории и культуре сибирских народов / Науч. пер. с нем. Ж.Н. Труфановой под ред. А.Я. Труфанова; Комментар. А.С. Сопочиной и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. рабочий, 2004. 144 с.
- Матвеева Н.П.* Козловский могильник эпохи Великого переселения народов // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Омск: ОмГПУ, 2008. С. 155–158.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.* Погребение воина IV–V вв. н.э. в Барабе // Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1990. С. 161–179.
- Морозов В.М., Пархимович С.Г., Шашков А.Т.* Очерки истории Коды. Екатеринбург: Волот, 1995. 192 с.
- Мошинская В.И.* Городище и курганы Потчеваш: (К вопросу о потчевашской культуре) // МИА. 1953. № 35. С. 189–220.
- Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А.* Археологическая карта Томской области. Томск: ТГУ, 1993. Т. II. 208 с.
- Перевалова Е.В., Карачаров К.Г.* Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН: Графо, 2006. 352 с.
- Полосьмак Н.В.* Культура населения Западной Барабы в скифо-сарматское время: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985.
- Скандаков И.Е., Данченко Е.М.* Курганный могильник Усть-Тара VII в южно-таежном Прииртыше // Гуманитарное знание. Сер. Преемственность: Ежегодн. Омск: ОмГПУ, 1999. Вып. 3. С. 160–186.
- Уманский А.Г.* Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. С. 129–163.
- Фефилова Т.Ю., Чемякин Ю.П.* Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2009. Вып. 7. С. 229–248.
- Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.* Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 126–145.
- Чемякин Ю.П.* Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. Сургут; Омск: Омский дом печати, 2008а. 224 с.
- Чемякин Ю.П.* Древности карымского времени в бассейне Большого Югана // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: Проблемы интерпретации и реконструкции. Томск: Аграф-Пресс, 2008б. С. 219–223.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.* Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: Материалы к атласу. Екатеринбург: Тезис, 1999. С. 9–66.
- Чернецов В.Н.* Бронза усть-полуйского времени // МИА. 1953. № 35. С. 121–178.
- Чернецов В.Н.* Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры. Обзор и классификация материала // МИА. 1957. № 58. С. 136–246.
- Чернецов В.Н., Мошинская В.И.* В поисках древней прародины угорских народов // По следам древних культур: От Волги до Тихого океана. М.: Госкультпросветиздат, 1954. С. 163–192.
- Чиндина Л.А.* Могильник Релка на Средней Оби. Томск: ТГУ, 1977. 193 с.
- Чиндина Л.А.* История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья: (Релкинская культура). Томск: ТГУ, 1991. 181 с.
- Чиндина Л.А., Балакин Ю.В.* Поселения Круглое озеро I и II // ИИС. Томск: ТГУ, 1976. Вып. 19. С. 45–64.
- Чиндина Л.А., Яковлев Я.А., Ожередов Ю.И.* Археологическая карта Томской области. Томск: ТГУ, 1990. Т. I. 340 с.
- Яковлев Я.А.* Селище Егур-Ях 4 — новый средневековый памятник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2006. Вып. 3. С. 185–204.

*Екатеринбург, Уральский федеральный университет
victor.borzunov@mail.ru
yury-che@yandex.ru*

The article gives a description of four types of the Karym pottery. Three of them (I, II, IV) keep on a development trend of the local Kulaj dishes, while one of those (III) being probably connected with the penetration of hunters-fishermen groups from East Siberia into the taiga Low Ob' basin. The paper established the difference between the pottery from the north and south Karym territories. The specificity of the Karym materials from the south taiga zone was due to influence upon the migrants from the north by the culture of the local forest-steppe population.

West Siberia, taiga, early Middle Ages, the Karym stage, pottery.